

Banque Parisienne de Change

47, rue Lafayette, PARIS (9)

Телефонъ (3 линіи):
TRUDAINE 16-83; 60-63 et la suite.
Для заграници: TRUDAINE 60-64.

Телеграфный адресъ: PACHA-PARIS
Compte Chèque Postal: Paris 87-556.
R. C. Seine 609-991.

Переводъ денегъ въ Германію официальнымъ путемъ

Черезъ посредство нашего банка возможно переводить марки въ Германію родственникамъ для оказанія имъ помощи (Unterstützungsgeld) совершенно законнымъ и официальнымъ путемъ по курсу:

до 100 марокъ — 4 фр. за 1 марку; свыше 100 марокъ — 3 фр. 85 за 1 марку.

Расходы по переводу фр. 7,50, независимо отъ переводимой суммы.

Переводы допускаются не свыше 200 марокъ ежемѣсячно.

Уплата производится черезъ первоклассный нѣмешкій банкъ, и доставляется собственноручная расписка получателя.

Французская Національная Лотерея 6ой траншъ

Продажа цѣлыхъ билетовъ и частей

10/4 разныхъ номеровъ, изъ коихъ одинъ непременно выиграетъ ..... 270 фр.
10/10 разныхъ номеровъ, изъ коихъ одинъ непременно выиграетъ ..... 110 фр.
10/20 разныхъ номеровъ, изъ коихъ одинъ непременно выиграетъ ..... 60 фр.
100/100 разныхъ номеровъ, изъ коихъ 11 (одиннадцать) непр. выигрываютъ 125 фр.

Переводъ денегъ въ Россію по небывало дешевому курсу, съ обратной распиской получателя

Также можно у насъ купить наличные червонцы по курсу 9 фр. за червонецъ (Фр. 0.90 за 1 рубль)

№ 28 (582)

4 июля 1936 г.

ЦѢНА ОТДѢЛНАГО
НОМЕРА 2 ФРАНКА.

13-й годъ изданія.

Основ. М. П. Мироновъ

Редакція и Гл. Контора

24, Rue Clément-Marot

PARIS (8e)

Tél. Balzac 19-52

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

ВЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦИОННАГО КОМИТЕТА:
И. А. БУНИНЪ, З. Н. ГИППИУСЪ, Б. К. ЗАЙЦЕВЪ,
Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ и И. С. ШМЕЛЕВЪ

№ 28 (582)

4 juillet 1936

Prix du numéro: 2 fr
13e année.

M. Mironoff, fondateur

Rédaction

et Administration

24, Rue Clément-Marot

PARIS (8e)

Tél. Balzac 19-52

Контора «Ил. Рос.» сообщаетъ, что, въ виду происшедшей въ Парижѣ забастовки, четыре книги нашихъ литературныхъ приложений за июль были разосланы г.г. подписчикамъ на прошлой недѣлѣ.

Контора «Ил. Россіи» проситъ г.г. подписчиковъ съ разсрочкой платежа, а также срокъ подписки которыхъ истекъ 1 июля, озаботиться уплатой очередного взноса, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала и приложений.

Ив. Бунинъ

Copyright 1936 by Ivan Bunin

ГОРЬКІЙ

Начало той странной дружбы, что соединяла насъ съ Горькимъ, — странной потому, что чуть не два десятилѣтія считались мы съ нимъ большими друзьями, а въ дѣйствительности ими не были, — начало это относится къ 1899 году. А конецъ — къ 1917. Тутъ случилось нѣчто еще болѣе странное: человекъ, съ которымъ у меня за цѣлыхъ двадцать лѣтъ не было для вражды ни единого личнаго повода, оказался для меня врагомъ, долго вызывавшимъ во мнѣ приступы ужаса, негодованія. Съ теченіемъ времени чувства эти перегорѣли, онъ сталъ для меня какъ-бы несуществующимъ. Но вотъ громкій, безразличный голосъ изъ радио:

— L'écrivain Maxime Gorki est décédé... Alexis Pechkoff, connu en littérature sous le nom Maxime Gorki, était né en 1868 à Nijni-Novgorod d'une famille de Cosaques... «Décédé...» Очень сложныя чувства.

Въ первый разъ въ жизни слышу о его казацкомъ происхожденіи. Можетъ быть, онъ и правда былъ казакъ? Я уже это писалъ: о немъ, какъ это ни удивительно, до сихъ поръ никто не имѣетъ точнаго представленія. Кто знаетъ его біографію достоверную? Молва все еще твердитъ: «Босякъ, поднялся со дна моря народнаго...» Въ словарѣ Брокгауза читаешь другое: «Горькій-Пѣшковъ, Алексѣй Максимовичъ. Родился въ 1868 году, въ средѣ вполне буржуазной: отецъ — управляющій большой паровой конторой, мать — дочь богатаго купца красильщика...» Дальнѣйшее основано только на автобіографіи Горь-

каго... Былъ въ мальчишескіе годы поваренкомъ на волжскомъ пароходѣ, потомъ гдѣ-то садовникомъ... торговалъ яблоками... Былъ письмоводителемъ у нижегородскаго адвоката Ланнина; уйдя отъ него, «бродилъ по югу Россіи»...

Въ 92-омъ году онъ напечаталъ въ газетѣ «Кавказъ» свой первый очеркъ — «Макаръ Чудра». Черезъ три года послѣ того появился знаменитый «Челкашъ». Къ этой порѣ и относятся мои первыя свѣдѣнія о немъ. Я жилъ тогда въ Малороссіи, въ Полтавѣ, и вотъ прошелъ по Полтавѣ слухъ: «Подъ Кобеляками поселился молодой писатель Горькій. Фигура удивительно красочная. Ражій дѣтина въ широчайшей крылаткѣ, въ шляпѣ вотъ съ такими полями и съ суковатой дубинкой въ рукѣ...» А познакомились мы весной 99 года. Приѣзжаю въ Крымъ, въ Ялту, иду какъ-то по набережной и вижу: навстрѣчу идетъ Чеховъ, а рядомъ съ нимъ кто-то громко говорящій басомъ и все время высоко взмахивающій руками изъ крылатки. Здравуюсь съ Чеховымъ, онъ говоритъ: «Познакомьтесь — Бунинъ — Горькій». Знакомлюсь и убѣждаюсь, что въ Полтавѣ описывали его отчасти правильно: и крылатка, и вотъ этакая шляпа, въ рукахъ толстая палка. Подъ крылаткой ярко-желтая, шелковая рубаха, подпоясанная толстымъ и длиннымъ шелковымъ жгутомъ кремоваго цвѣта, вышитая разноцвѣтными шелками по подолу и вороту. Только не дѣтина и не ражій, а просто высокій и сутулый краснорыжій мастеровой съ зеленоватыми небольшими глазами, быстрыми и уклончивыми, съ широкими ноздрями сѣдло-

ватаго носа, веснучатый, съ желтыми моржевными усами, которые онъ, покашливая, все поглаживаетъ пальцами: немножко поплюетъ на нихъ и погладитъ...

Чуть не въ тотъ же день между нами возникло что-то вродѣ дружескаго сближенія, съ его стороны нѣсколько даже сентиментальнаго, съ какимъ-то застычивымъ восхищеніемъ мною:

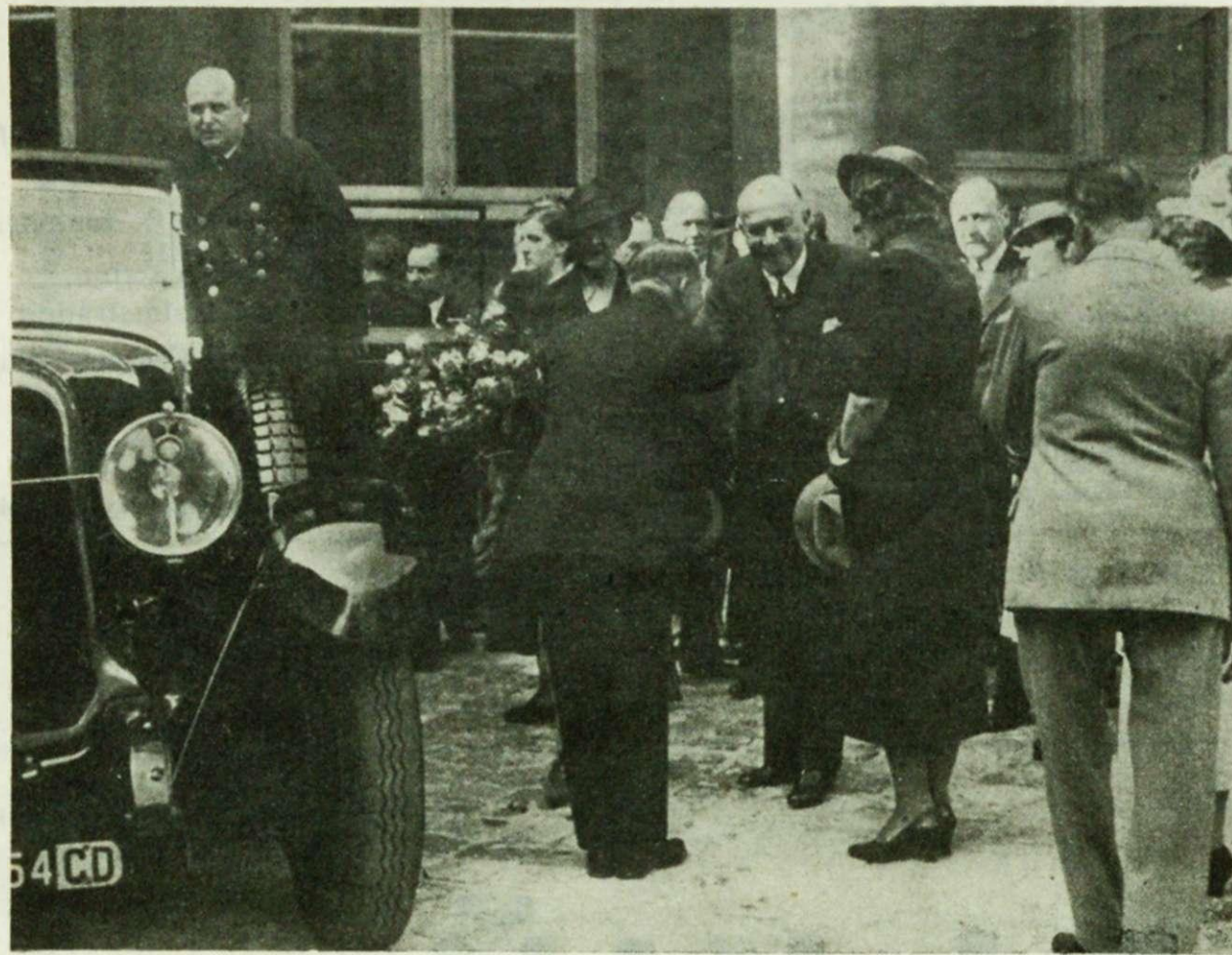
— Вы-же послѣдній писатель отъ дворянства, той культуры, которая дала міру Пушкина и Толстого!

Въ тотъ-же день, какъ только Чеховъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ себѣ въ Аутку, Горькій позвалъ меня зайти къ нему на Виноградную улицу, гдѣ онъ снималъ у кого-то комнату, пока-залъ мнѣ, морща носъ, неловко улыбаясь счастливой, комически-глупой улыбкой, карточку своей жены съ толстымъ, живоглазымъ ребенкомъ на рукахъ, потомъ кусокъ шелка голубенькаго цвѣта и сказалъ съ этими гримасами:

— Это, понимаете, я на кофточку ей купилъ... этой самой женщиной... Подарокъ везу... Ничего? Сносно?

Теперь это былъ совѣтъ другой человекъ, чѣмъ на набережной, при Чеховѣ, — милый, шутивно-ломающійся, скромный до самоуниженія, говорящій уже не басомъ, не съ героической грубостью, а какимъ-то все время какъ-бы извиняющимся, наигранно-задушевнымъ волжскимъ говоркомъ съ оканьемъ. Онъ игралъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ — съ одинаковымъ удовольствіемъ, одинаково неустанно, — впоследствии я узналъ, что онъ могъ вести монологи хоть съ утра до ночи, — одинаково ловко, вполне входя то въ ту, то въ другую

ОТЪЕЗДЪ ПОЛЬСКАГО ПОСЛАННИКА ИЗЪ ПАРИЖА.
Г. Хлаповскій, польскій посланникъ въ Парижѣ, отозванъ въ Варшаву и на его мѣсто назначенъ г. Лукашевичъ. На нашемъ снимкѣ г. Хлаповскій и его супруга прощаются съ составомъ польскаго посольства.

роль, въ чувствительныхъ мѣстахъ, когда старался быть особенно убедительнымъ, съ легкостью вызывая даже слезы на свои зеленоватые глаза. Тутъ обнаружился и нѣкоторыя другія его черты, которыя я неизмѣнно видѣлъ впоследствии много лѣтъ. Первая черта была та, что на людяхъ онъ бывалъ совсѣмъ не тогъ, что со мной наединѣ или вообще безъ постороннихъ, — на людяхъ онъ чаще всего басилъ, блѣднѣлъ отъ самолюбія, честолюбія, отъ восторга публики, рассказывалъ все что-нибудь грубое, высокое, важное, своихъ поклонниковъ и поклонницъ любилъ поучать, говорилъ съ ними то сурово и небрежно, то сухо, назидательно, — когда же мы оставались глазъ на глазъ или среди близкихъ ему людей, онъ становился милъ, какъ-то наивно радостенъ, скромнѣе и застѣнчивъ даже излишне. А вторая черта состояла въ его обожаніи культуры и литературы, разговоры о которыхъ были настоящимъ конькомъ его. То, что сотни разъ онъ говорилъ мнѣ впоследствии, началъ онъ говорить еще тогда, въ Ялтѣ:

— Понимаете, вы же настоящий писатель прежде всего потому, что у васъ въ крови культура, наследственность высококачественнаго искусства русской литературы. Нашъ братъ, писатель для новаго читателя, долженъ не престанно учиться этой культурѣ, почитать ее всѣми силами души, — только тогда и выйдетъ какой-нибудь толкъ изъ насъ!

Несомнѣнно, была и тутъ игра, уми-

леніе «культурностью» своей роли, было и то самоуниженіе, которое паче гордости. Но была и большая искренность — можно ли было иначе твердить одно и то же столько лѣтъ и порой со слезами на глазахъ?

Онъ, худой, былъ довольно широкъ въ плечахъ, держалъ ихъ всегда поднявши и узко-грудо сутулясь, ступалъ своими длинными ногами съ носка, съ какой-то, — пусть простятъ мнѣ это слово, — воровской шеголеватостью и мягкостью, легкостью, — я не мало видалъ такихъ походовъ въ одесскомъ порту. У него были большія, ласковыя, какъ у духовныхъ лицъ, руки. Здороваясь, онъ долго держалъ твою руку въ своей, приятно жаль ее, шловоался мягкими губами крѣпко, врасоту. Скулы у него выдавались совсѣмъ по татарски. Небольшой лобъ, низко заросшіи волосами, закинутыми назадъ и довольно длинными, былъ морщинистъ, какъ у обезьяны — кожа лба и брови все лѣзли вверхъ къ волосамъ, складками. Въ выраженіи лица (того довольно нѣжнаго цвѣта, что бываетъ у рыжихъ) иногда мелькало нѣчто клоунское, очень живое, очень комическое, — то, что потомъ такъ сказалося у его сына Максима, котораго я, въ его дѣтствѣ, часто сажалъ къ себѣ на шею верхомъ, хваталъ за ножки и до радостнаго визга доводилъ своей скачкой по комнатамъ.

Ко времени первой встрѣчи съ нимъ слава его шла уже по всей Россіи. Потому она только продолжала расти. Русская интеллигенція сходилась отъ него съ

ума, и понятно почему. Мало того, что это была пора уже большого подъема русской революціонности, мало того, что Горькій такъ отвѣчалъ этой революціонности: въ ту пору шла еще страстная борьба между «народниками» и недавно появившимися марксистами, а Горькій уничтожалъ мужика и воспѣвалъ «Челкашей», на которыхъ марксисты, въ своихъ революціонныхъ надеждахъ и планахъ, ставили такую крупную ставку. И вотъ, каждое новое произведеніе Горькаго тогъчасъ дѣлалось всероссійскимъ событіемъ. И онъ все мѣнялся и мѣнялся — и въ образѣ жизни, и въ обращеніи съ людьми. У него быть снятъ теперь цѣлый домъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, была большая квартира въ Петербургѣ, онъ часто появлялся въ Москвѣ, въ Крыму, руководилъ журналомъ «Новая Жизнь», начиналъ издательство «Знаніе»... Онъ уже писалъ для Художественнаго театра, артисткѣ Книпперъ дѣлалъ на своихъ книгахъ такія, напримѣръ, посвященія:

— Эту книгу, Ольга Леонардовна, я переплелъ бы для Васъ въ кожу сердца моего!

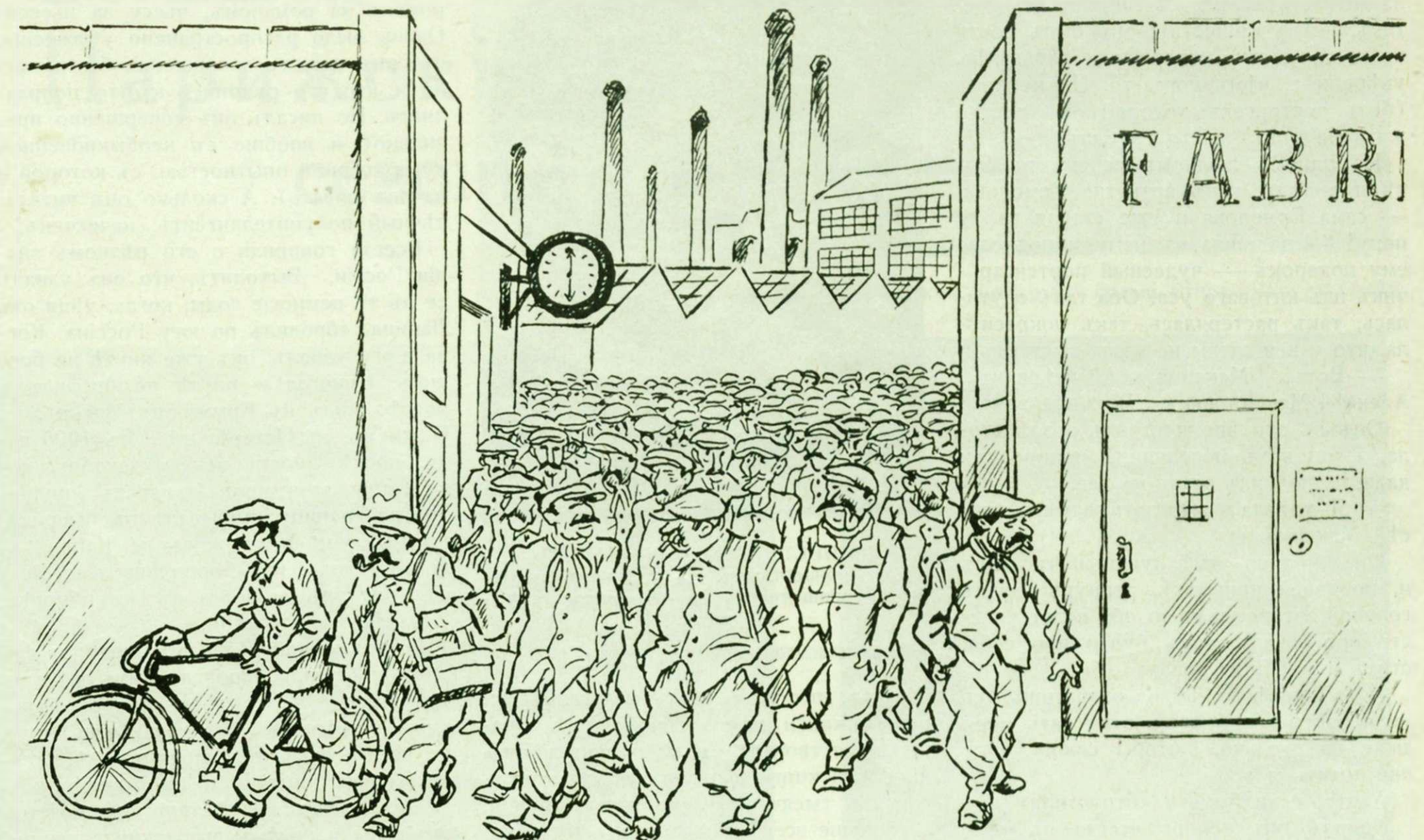
Онъ уже вывелъ въ люди сперва Андреева, потомъ Скитальца и очень приблизилъ ихъ къ себѣ. Временами приближалъ и другихъ писателей, но чаще всего ненадолго: очаровавъ кого-нибудь своимъ вниманіемъ, вдругъ отнималъ у счастливица всѣ свои милости. Въ гостяхъ, въ обществѣ было тяжело видѣть его: всюду, гдѣ онъ появлялся, набивалось столько народу, не спускающаго съ него глазъ, что протолпиться было нельзя. Онъ же держался все угловатѣе, все неестественнѣе, ни на кого изъ публики не глядѣлъ, сидѣлъ въ кружкѣ двухъ, трехъ избранныхъ друзей изъ знаменитостей, свирѣпо хмурился, по солдатски (нарочито по солдатски) кашлялъ, курилъ папиросу за папиросой, тянулъ красное вино, — выпивалъ всегда полный стаканъ, не отрываясь, до дна, — громко изрекалъ иногда для общаго пользованія какую-нибудь сентенцію или политическое пророчество и опять, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ никого кругомъ, то хмурился и барабанилъ большими пальцами по столу, то съ притворнымъ безразличіемъ поднимая вверхъ брови и складки лба, говорилъ только съ друзьями, но и съ ними какъ-то вскользь, — хотя и безъ умолку, — они же повторяли на своихъ лицахъ мѣняющіяся выраженія его лица и, упиваясь на глазахъ публики гордостью близости съ нимъ, будто бы небрежно, будто бы независимо, то и дѣло вставляли въ свое обращеніе къ нему его имя:

— Совершенно вѣрно, Алексѣй... Нѣтъ, ты не правъ, Алексѣй... Видишь ли, Алексѣй... Дѣло въ томъ, Алексѣй...

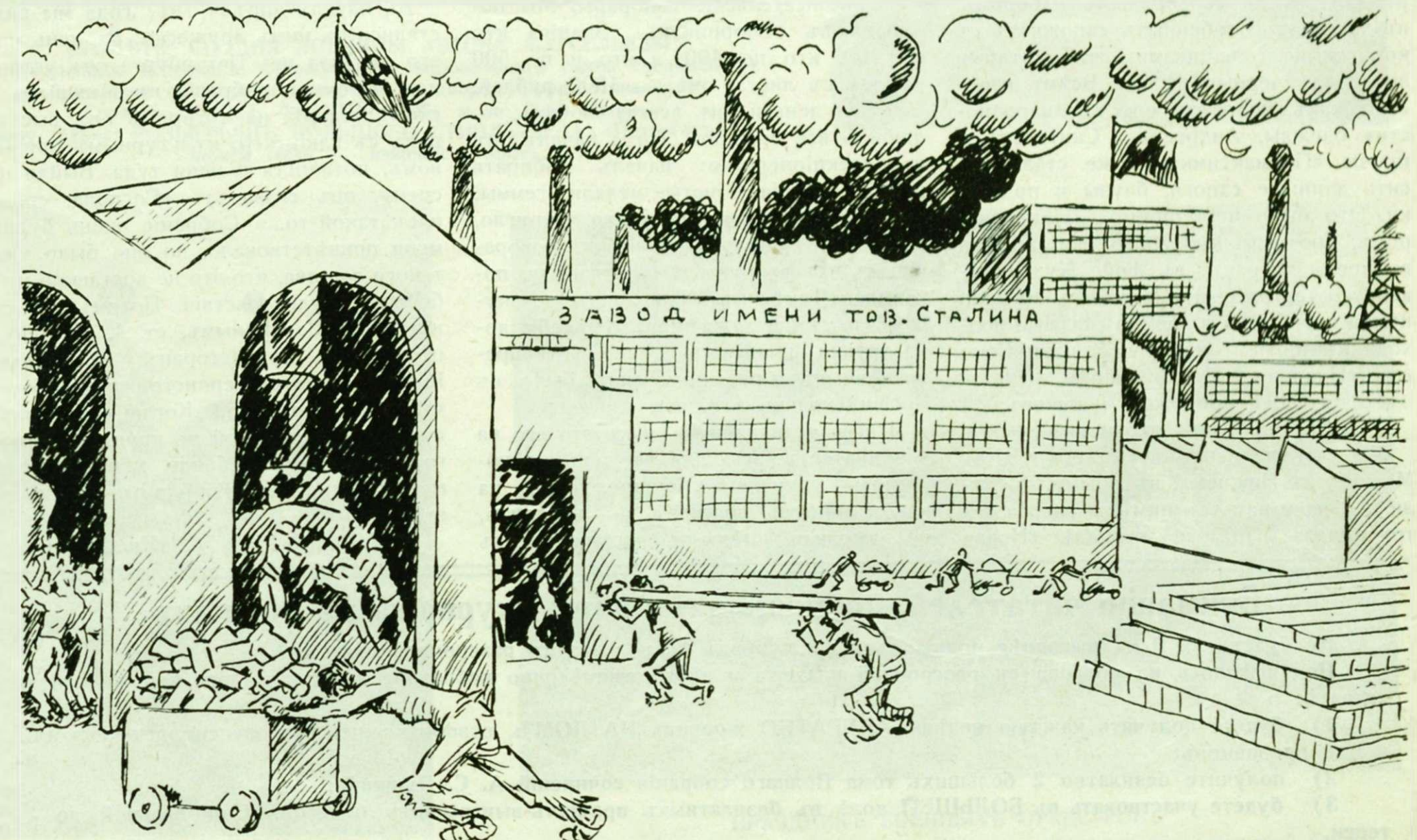
Все молодое уже исчезло въ немъ, — съ нимъ это случилось очень быстро, — цвѣтъ лица у него сталъ грубѣе

Часы работы

Рис. Мада

Въ Европѣ рабочіе несчастны и они потребовали 40-часовую рабочую недѣлю.

Въ СССР рабочіе работаютъ съ ранняго утра до поздней ночи, не считаясь съ часами. Чѣмъ это объясняется? Конечно, тѣмъ, что, какъ говорится, счастливые часовъ не наблюдаютъ. А что въ СССР всѣ рабочіе счастливы, извѣстно каждому дураку.

и темнѣ, суше, усы гуще и больше, — его уже называли унтеромъ, — на лицѣ появилось много морщинъ, во взглядѣ — что-то злое, вызывающее. Когда мы встрѣчались съ нимъ не въ гостяхъ, не въ обществѣ, онъ былъ почти прежній, только держался серьезнѣе, увѣреннѣе, чѣмъ когда-то. Но публикѣ (безъ восторговъ которой онъ просто жить не могъ) часто грубилъ.

На одномъ людномъ вечерѣ въ Ялтѣ я видѣлъ, какъ артистка Ермолова, — сама Ермолова и уже старая въ ту пору! — подошла къ нему и поднесла ему подарокъ — чудесный портсигарчикъ изъ китоваго уса. Она такъ смутилась, такъ растерялась, такъ покраснѣла, что у нея слезы на глаза выступили: — Вотъ, Максимъ Алексѣевичъ... Алексѣй Максимовичъ... Вотъ я... вамъ...

Онъ въ это время стоялъ возлѣ стола, тушилъ въ пепельницѣ папиросу и даже не поднималъ глазъ на нее.

— Я хотѣла выразить вамъ, Алексѣй Максимовичъ...

Онъ, мрачно усмѣхнувшись въ сторону, по своей привычкѣ, дернувъ назадъ головой, отбрасывая со лба волосы, густо проворчалъ, какъ будто про себя, стихъ изъ «Книги Юва»:

— «Доколѣ же Ты не отворишь отъ меня взора, не будешь отпускать меня даже на столько, чтобы слону могъ проглотить я?»

А что, если бы его «отпустили»?

Ходилъ онъ теперь всегда въ темной блузѣ, подпоясанной кавказскимъ ремешкомъ съ серебрянымъ наборомъ, въ какихъ-то особенныхъ сапожкахъ съ короткими голенищами, въ которыхъ вправлялъ черныя штаны. Всѣмъ извѣстно, какъ, подражая ему въ «народности» одежды, Андреевъ, Скиталецъ и прочіе «Подмаксимки» тоже стали носить длинные сапоги, блузы и поддевки. Это было нестерпимо. Разъ вечеромъ, среди толпы, тѣсно двигавшейся во время антракта въ фойе Художественнаго театра, эти «Подмаксимки» или цѣлой гурьбой, и я громко сказать, подходя къ нимъ, тономъ и словами Коко изъ «Плодовъ Просвѣщенія», увидавшаго въ своей прихожей мужиковъ:

— Э, э, э... Вы — охотники?

Мы встрѣчались въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Нижнемъ, въ Крыму, — были и дѣла у насъ съ нимъ: я сперва сотрудничалъ въ его журналѣ «Новая

ПАНИСТЬ ОРЕСТЪ БОДАЛЕВЪ

Къ его концертнымъ выступленіямъ въ Парижѣ, прошедшимъ съ большимъ успѣхомъ.

Жизнь, потомъ сталъ издавать свои первыя книги въ его издательствѣ «Знаніе», участвовалъ въ «Сборникахъ Знанія». Его книги расходились чуть не въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, прочія, — больше всего изъ-за марки «Знанія», — тоже не плохо. «Знаніе» сильно повисило писательскіе гонорары. Мы получали въ «Сборникахъ Знанія» кто по 300, кто по 400, а кто и по 500 рублей съ листа, онъ — 1000 рублей. Большія деньги онъ всегда любилъ, — любилъ все большое. Тогда началъ онъ и коллекционерство: началъ собирать рѣдкія древнія монеты, медали, геммы, драгоцѣнные камни; ловко, кругло, сдерживая довольную улыбку, поворачивалъ ихъ въ рукахъ, разглядывая, показывая. Такъ онъ и вино пилъ: со вкусомъ и съ наслажденіемъ (у себя дома только французское вино, хотя превосходныхъ русскихъ винъ было въ Россіи сколько угодно).

Я всегда дивился, — какъ это его на все хватаетъ: изъ дня въ день на-людяхъ, — то у него сборище, то онъ на какомъ-нибудь сборищѣ, — говоритъ, не умолкая, нѣлыми часами, пьетъ

сколько угодно, папиросъ выкуриваетъ по сто штукъ въ сутки, спитъ не больше пяти, шести часовъ — и пишетъ своимъ круглымъ, крѣпкимъ почеркомъ романъ за романомъ, пьесу за пьесой! Очень было распространено убѣжденіе, что онъ пишетъ совершенно безграмотно и что его рукописи кто-то поправляетъ. Но писалъ онъ совершенно правильно (и вообще съ необыкновенной литературной опытностью, съ которой и началъ писать). А сколько онъ читалъ, вѣчный полуинтеллигентъ, начетчикъ!

Всегда говорили о его рѣдкомъ знаніи Россіи. Выходитъ, что онъ узналъ ее въ тѣ немногіе годы, когда, уйдя отъ Ланна, «бродилъ по югу Россіи». Когда я его узналъ, онъ уже нигдѣ не бродилъ. Никогда и нигдѣ не бродилъ и постѣ: жилъ въ Крыму, въ Москвѣ, въ Нижнемъ, въ Петербургѣ... Въ 1905 году, послѣ московскаго декабрьскаго возстанія, эмигрировалъ черезъ Финляндію за границу; побывалъ въ Америкѣ, потомъ семь лѣтъ жилъ на Капри, — до 1914 года. Тутъ, вернувшись въ Россію, онъ крѣпко осѣлъ въ Петербургѣ... Дальнѣйшее извѣстно.

Мы съ женой лѣтъ пять подрядъ ѣздили на Капри, провели тамъ цѣлыхъ три зимы. Въ это время мы съ Горькимъ встрѣчались каждый день, чуть не всѣ вечера проводили вмѣстѣ, сошлись очень близко. Это было время, когда онъ былъ наиболѣе приятенъ мнѣ, въ эти годы я видѣлъ его такимъ, какимъ еще никогда не видалъ.

Въ началѣ апрѣля 1917 года мы разстались съ нимъ дружески. Въ день моего отъѣзда изъ Петербурга онъ устроилъ огромное собраніе въ Михайловскомъ театрѣ, на которомъ онъ выступалъ съ какимъ-то культурнымъ призывомъ, потащилъ и меня туда. Выйдя на сцену, онъ сказалъ: «Господа, среди насъ такой-то...» Собраніе очень бурно меня привѣтствовало, но оно было уже такого состава, что это не доставило мнѣ большого удовольствія. Потомъ мы съ нимъ, съ Шалыпинымъ, съ А. П. Бенуа отправились въ ресторанъ «Медвѣдь». Было ведерко съ зернистой икрой, было много шампанскаго... Когда я уходилъ, онъ вышелъ за мной въ коридоръ, много разъ крѣпко обнялъ меня, крѣпко поцѣловалъ, — на вѣчную разлуку, какъ оказалось.

20. VI. 1936.

Ив. Бунинъ.

Вниманію читателей, покупающихъ нашъ журналъ въ кіоскахъ

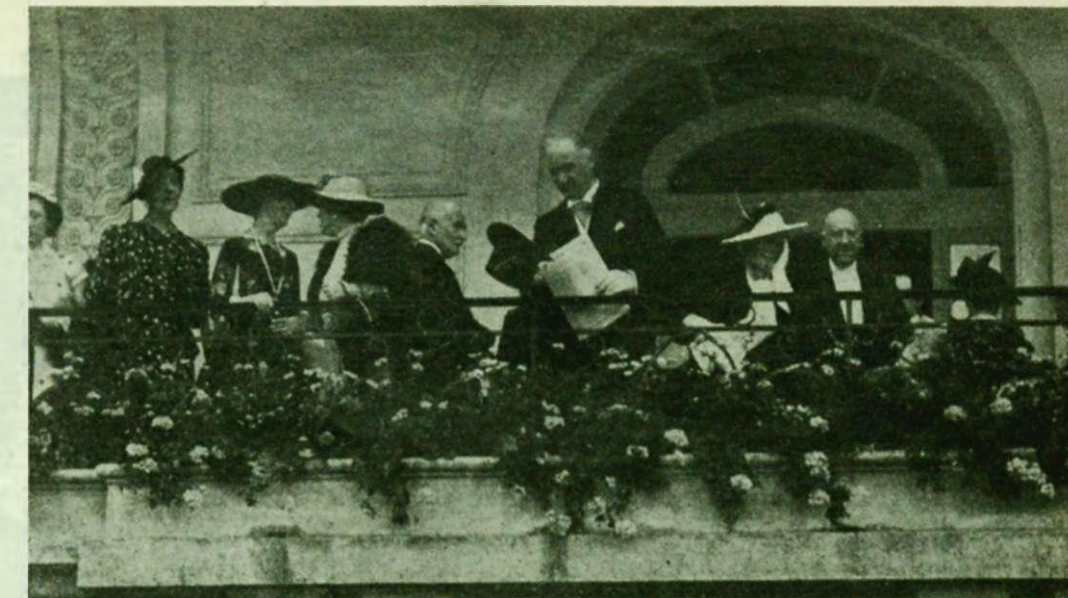
Не будетъ ли Вамъ выгоднѣе подписаться на журналъ на полгода съ разсрочкой платежа?

Подписавшись на полгода съ разсрочкой платежа и дѣлая ежемѣсячно небольшіе взносы; вы при той же почти затратѣ:

- 1) будете получать каждую недѣлю АКУРАТНО журналъ НА ДОМЪ, освободившись отъ зависимости кіосковъ и ихъ продавцовъ;
- 2) получите бесплатно 2 большихъ тома Полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина;
- 3) будете участвовать въ БОЛЬШЕЙ долѣ въ бесплатныхъ преміяхъ-выигрышахъ билетовъ Национальной лотереи.

Прочтите внимательно наши условія подписки въ концѣ этого номера. Подписка принимается повсюду въ мѣстной валютѣ.

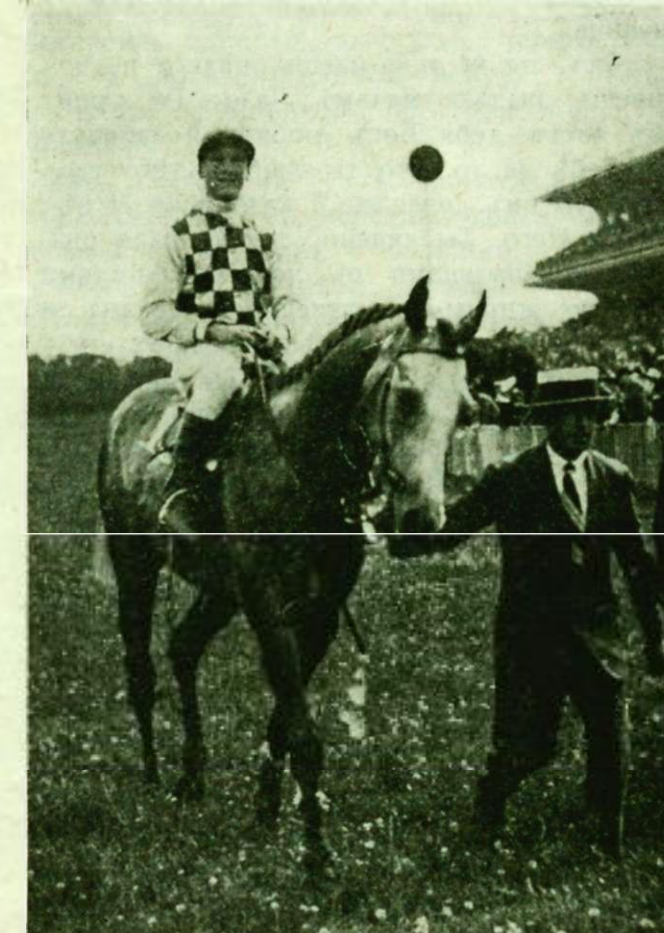
Большой Парижскій сезонъ

Презид. республ. А. Лебрень на розыгрышѣ больш. Стиплъ-Чеза въ Отейѣ

СТОЛѢТІЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ АВТОРА МАРСЕЛЬЕЗЫ Торжественное исполненіе французскаго національнаго гимна соединенными военными оркестрами и хорами во дворѣ Дворца Инвалидовъ. Справа: «МИССЪ ФРАНЦІЯ 1936» м-ль Лина Ласаль. Внизу, слѣва: РОЗЫГРЫШЪ БОЛЬШОГО СТИПЛЪ-ЧЕЗА. «Потентать» — жокей Пела, — взявшій 1 призъ.

ПРАЗДНИКЪ ВОЕННЫХЪ ОРКЕСТРОВЪ Оркестръ нубійскихъ стрѣлковъ изъ Марокко предъ зданіемъ Большой Оперы.